

LiteraruS – Литературное слово 4(57), 2017 (зима)

2003 – 2013

**Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года**

Главный редактор
Людмила Коль

Редакционный совет

Тимо Вихавайнен, Игорь Воловик, Зинаида Линден,
Галина Пронина, Ирина Савкина, Алексей Шкваров

Корреспонденты

Полина Копылова (Финляндия), Светлана Матссон-Попова (Швеция),
Нина Гейдэ (Дания), Юлия Лалуа (Франция), Евгений Степанов (Россия),
Александр Люсый (Россия)

Макет обложки, цветные страницы, графика

Таня Варонен

Web-мастер

Евгений Малицкий

Журнал имеет 4 выпуска в год на русском языке: №№ 1–4,
№5 выходит на финском языке

Подписка на журнал принимается

по e-mail: litararus@kolumbus.fi

по тел.: +358 40 5121618

Информация о журнале расположена на сайте:

www.litararus.org

Журнал публикует произведения авторов, живущих в Финляндии, Скандинавии
и других странах, а также российских авторов, пишущих на финские темы;
тексты принимаются по e-mail

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Точка зрения автора может не совпадать с точкой зрения редакции

Материалы публикуются на безгонорарной основе

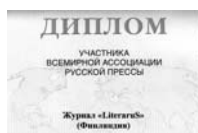
Издатель: **LitararuS**

Y-tunnus: 1538941-8

При участии LitararuS ry

Печатается в типографии GRANO Oy

© **LitararuS**, 2017

Издание осуществляется в рамках Проекта «LitararuS»
при поддержке Министерства образования и культуры Финляндии
ISSN 1459-2673

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА

<i>Лири столетия</i> (Пер с фин.: Элеонора Иоффе)	5
<i>Жизнь – Любовь, Жизнь – Борьба</i> (Пер. с фин.: Геннадий Михлин)	10

НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Тимо Вихавайнен. <i>Образ финляндской революции в России</i>	16
---	----

АНОНС

<i>Знаете ли вы Хельсинки?</i>	23
--------------------------------------	----

СОВРЕМЕННЫЙ СЮЖЕТ

Виталий Чапкович. <i>Для милого дружка и сережка из ушка</i> , рассказ	24
Зинаида Линден. <i>Узурпатор</i> , рассказ	28
Людмила Коль. <i>Заграничные персонажи</i> , миниатюры	44
Юрий Тубольцев. <i>Афористика и парадоксы</i>	48

ИСКУССТВО

<i>Страница в биографии «Истории Искусств»</i>	50
--	----

СТИХИ

<i>Литературный фестиваль Aurora Borealis</i>	54
---	----

О ФИНЛЯНДИИ

Марина Киеня. <i>Заметки о Финляндии</i>	72
Ирина Пиляр. <i>Переводчица</i>	77
Игорь Воловик. <i>Эскиз</i>	81
Айно Петрова. <i>История Матти</i>	82
Олег Яцкевич. <i>Господи, почему...?</i>	85

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Полина Копылова. <i>Для чего в Финляндии затевают фестиваль...</i>	87
---	----

ИНТЕРВЬЮ

Ханну Пеухенен. <i>Афонский центр в Ламми</i>	90
--	----

ВОСПОМИНАНИЯ

Ксения Пышкина. <i>Обычная длинная жизнь (Вторая часть, продолжение)</i>	94
---	----

ЭХО

<i>Культурный форум «Сто образов культуры» (Наталья Ершова)</i>	102
<i>Новая книга</i>	106

ОБЪЯВЛЕНИЯ	108
------------------	-----

Художественное оформление:

стр. 1 – Победитель, стр. 4 – Ей было 125.

Фото: LiteraguS

Ли́ра столетия

Женщины-поэты вышли на литературную авансцену Финляндии в начале XX века, почти одновременно с рождением независимой республики, заговорив сразу на двух языках – финском и шведском. За минувшее столетие голос женщины привнес в двуязычную поэзию страны Суоми свое, совершенно особое звучание. В августе 2017 года в петербургское издательство «Пушкинский фонд» выпустило поэтический сборник «Голос женщины» – антологию поэтов-женщин Финляндии с первых десятилетий прошлого века до наших дней. Стихи финноязычных поэтов перевела Элеонора Иоффе, шведоязычных – Зинаида Линден. Журнал предлагает вниманию читателей стихи нескольких вошедших в сборник поэтов.

САЙМА ХАРМАЯ

(1913–1937) прожила неполных 24 года, но ее имя занимает почетное место в пантеоне классиков финской поэзии. Начав писать стихи и прозу в семилетнем возрасте, в пятнадцать Сайма вступила в литературное объединение «Союз Молодой Силы», существующее и в наши дни. Стихи Саймы Хармая до сих пор читают и любят в Финляндии. Ее литературное наследие – три прижизненных сборника и посмертный четвертый, а также дневники, которые неоднократно переиздавались.

РОЗА

Дрожа в экстазе, утопает шмель с жужжаньем
у розы на груди, в ее сверкающих глубинах,
где золотом уже горит желанье,
она раскрылась, лепестки в объятии раздвинув,
и аромат любви пьянит все мирозданье.

Но лишь тогда настанет миг блаженный,
когда создатель огневдохновенный
позволит сквозь цветник, туда, где роза ждет
лететь, божественный почуяв мед –
И сын земли тогда, пылая, пьет.

НОЧНОЕ АВТО

По горной дороге
Венгрии милой
вином огневым
музыка бродила

В тени акаций
тоской обуян
любовь на скрипке
выплакивал цыган

И распаяясь
печалью своей,
напев подхватил
молодой соловей

Пока они сердцем
слушали ночь,
в ее мерцании
мчалось прочь

авто по дороге
туда, где стократ
голову кружит
садов аромат.

И близко к земле
без туманной вуали
звезд изумленных
лица блистали.

Горы вставали
как в сказке вдали,
звезды все ярче,
все больше росли,

во мрак бросая
чарующий круг,
звезда чужая
летела на юг.

К ЭДИТ СЁДЕРГРАН

Холодной сыростью
дышал дождливый вечер
сквозь темное окно.

Лицом прижавшись к мокрому стеклу,
я размышляла о тебе, высокий дух,
костер, пылающий на улице дождливой.

Ты в темноте узрела солнца нового восход
и уловила гул его далеких легионов.
Холодный дождь в смятенье отступает
перед пламенем твоим громадным.

Я знала, стоя у промозглого окна,
что нет во мне твоей великой силы.
Взметнись огнем в душе моей, Господь,
не дай погаснуть на пути дождливом!

ЙЕННИ ЭЛИНА ХАУКИО

(р. 1977) – поэт и общественный деятель, супруга президента Финляндии Саули Нийнистё. Писать стихи Йенни Хаукио начала в юности, за первой публикацией в литературной антологии в 1997 году последовал сборник стихов «Твоя рубашка оказалась на мне» (1999 г.). В 2003–2009 годах вышло еще три сборника. «Мелкие существа» – тема многих ее стихотворений, она видит и чувствует опасность, угрожающую «братьям нашим меньшим» и отстаивает их право на жизнь. Стихи Йенни Хаукио публиковались в поэтических антологиях и литературных журналах в Финляндии и Великобритании.

ИЗ СБОРНИКА «ТАМ, ГДЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗЕЛЕНЬ И ЗЕМЛЯ», 2003

По земле, по воде, по воздуху, в космосе
мы путешествуем и путешествуем,

печатаем цифры на клочках бумаги
и оборот этих клочков делаем целью всего

впрягаем живую и неживую природу
в служение нашей святой задаче

*о бумага, когда из тебя соорудим муравейник, чтобы в нем жить,
ты придешь и благословишь нас дарами своими*

у зверей отнимем кожу и мех, и оденемся в них

друг у друга отнимем кожу и мех, и оденемся в них

посадим в клетки все таящиеся в кустах
мелкие существа,

и сделаем из них бумагу.

Я должна защитить зверей
их детенышей спрятать у себя под одеялом

ибо однажды ночью я проснулась от криков зверей
чьи дети исчезли в черных мешках
холодные клещи проникли в гнездо
и унесли мирно спавших у материнского бока детенышей

и хотя глаза мои проснулись так же быстро
как глаза их матери

было все-таки слишком поздно

во многих загонах, стойлах и клетках
слишком тесно

холодный металл там, где должны быть зелень и земля.

Если уж обосновался на материке
больше не помнишь каким был родной остров

каково было аквамаринowymi вечерами
сидеть в прибрежных камнях в ожидании птиц

не зная наверняка когда они появятся
с какой стороны какого вида как близко они пролетят

я тоскую по этой непредсказуемой определенности

когда запах свежепропеленной сауны
манит меня от берега
а море не исчезает хоть я ухожу

и под утро ко мне на ладонь
заплывают бесстрашные колюшки

и рыбацьи баркасы появляются в сонных заливах
чтобы я прикоснулась к ним взглядом.

ИЗ СБОРНИКА «ТЫ СЛЫШИШЬ ЭТУ МУЗЫКУ», 2009

NOCTURNO

Вечер, мужчина и женщина ставят сети на окуня

чайка высиживает птенцов под настилом причала
чахлые березы кивают на порывистые вопросы ветра

по заливу кружит одинокий турпан.

Новорожденных колюшек стайка режет водную гладь
окно избы туманится любопытным дыханьем собаки

легкий дымок топящейся бани зовет рыбаков на берег,
вечер обветрился в маслянисто-спокойную ночь.

женщина стаскивает с мужниных ног сапоги

на прибрежной тростинке качается захмелевшая стрекоза –

САЙЛА СУСИЛУОТО

(р. 1971), одна из самых популярных женщин-поэтов современной Финляндии. Она редактор нескольких поэтических антологий, преподает писательское мастерство и активно участвует в деятельности литературных объединений и союзов. Сайла Сусилуото – лауреат нескольких литературных премий, ее стихотворения переведены на пятнадцать языков.

ИЗ СБОРНИКА «КАРМЕН», 2010

ХОР ТРУДНЫХ ДЕТЕЙ

В эти выходные пятеро умрут
от ножа, под поездом метро, застреленные
та тра-та-та тра-та-та

По школьным коридорам ходит кто-то
с оружием под курткой с капюшоном, мы
продаем себя за сигареты, пиво
всё еще кончится хорошо, весь этот

блеск, музыка, алкаши в закоулках
наркоманы, дилеры, охранники,
в кафе пацан играет на скрипке так что никто
ни слова он не умеет прочитать
ни названья пирожного которое ест
ни этой жизни без которой останется

тот у кого в душе будет рана, утратит ее
кто утратит душу, ни царапины
та тра-та-та тра-та-та

Перевод с финского языка:
Элеонора Иоффе

Жизнь – Любовь, Жизнь – Борьба

Публикация вторая

Ааро Хеллаакоски (1893 – 1952)

МУКИ МОРЯ
(Meren tuska)

Волны на берег взбегают –
будто побитая рать.
Моря жестокие дали
их заставляют бежать.

Чувствуют близость расправы,
рок тяжелее свинца,
дикие гонят кошмары,
нет у мучений конца.

Волны стремятся на берег,
штурмом все взламывают.
Бег! – не считая потери,
боли подталкивают.

Запад с Востоком рычали
про безутешность кольца:
нет у начала начала,
нет и конца у конца.

Ветер очистит от пены
груды прибрежных камней.
Волны в ознобе от плена
всех берегов и морей.

Л. Онерва (1882 – 1972)
(Хилья Онерва Лехтинен)

ЧЕЛОВЕК
(Ihminen)

Что я? Звездочка в полете
в черном мраке бесконечном,
лишь из космоса частичка
в замыслах Творца извечных.

Все же! Я отдать желаю
всю себя, чтоб вспыхнуть кратко.
Жизнь благодарю, мечтая,
догореть в ней без остатка.

Петь желаю. Потому что,
если я умру, то где-то,
в то же самое мгновенье
небо озарится светом!

Мое пламенное сердце
бьется в собственной вселенной,
полной красотой, грустью,
и любовью вдохновенной.

Покоритесь малым звездам
все законы и порядки!
Жизнь благодарю, желая,
догореть в ней без остатка.

Ууно Кайлас (1901 – 1933)

МОРЕПЛАВАТЕЛИ

(Purjehtijat)

Под нами пучина, подобная пасти дракона,
в объятьях Атлантики злобной легко нам пропасть.
Глаз дьявольский в тучах – Луна, как из-под балахона,
сиянье ее – наша сила, надежда и власть.

Но сила на деле – всего лишь, как с трещиной мачта,
давненько топор подбирается к нашим корням.
Бьет молния с грохотом. Небо становится мрачным,
осколками к нашим летя помутневшим глазам.

Гляди, мореплаватель, жизни корабль твой безумен;
душою и мышцами всеми как будто ты пьян,
и жар разъедает твой мозг, голова – словно бубен,
И все идеалы теперь – чешуя и обман.

Спасемся ли мы или, может, забытые, сгинем,
нам не суждено снова берег родной увидеть.
Корабль с нами вместе, как призрак, исчезнет в пучине,
и нас в Стране Мертвых не сможет узнать даже мать.

ВООБРАЖЕНИЕ

(Kai paus)

Этим вечером кто-то играл мне,
когда солнце падало в море.
Это мир большой, несказанный
так в крови моей музыкой вторил.

Этим вечером кто-то играл мне,
когда в камышах спал ветер,
и венчалась темь с облаками.
Я любовью болел безответно.

Этим вечером кто-то играл мне,
и пел песню уныло, тоскливо –
мою жизнь уносила на крыльях
стая птиц, пролетающих мимо.

Юлиус Леопольд Фредрик Крон (1835 – 1888) Псевдоним – Суонио

БЕГЛЕЦ
(Karkuri)

Осенний дождь бьет злобно, не уходит,
а ночь, как сажа при такой погоде,
и ветер штормовой скулит и воет.
Попрятались все люди по домам,
но чую я: кому-то нет покоя,
что бродит человек в чащобе... там!

Как будто тень – в окне чуть различима –
избы, что с краю, не проходит мимо.
Должно быть, это заблудился путник,
спешит теперь в надежде на приют,
и на спокойные во сне минутки...
Авось, приветят люди, не убьют.

Но замечаю, к двери не подходит,
на цыпочках крадется – призрак вроде.
А уж не вор ли этот посторонний?
Остановился тихо под окном.
А ну как жителям несет разбойник
грабеж, убийство и разруху в дом?

Предчувствия подсказывали это,
и убеждали разные приметы:
нечесаная борода – лопатой,
в потертые лохмотья он одет,
а голова покрыта рваной шляпой,
во лбу печати Каина был след.

Так кто же он? Действительно убийца?
Бандитов многих помнят здесь по лицам.
Известен промыслами Корпи Густав,
хотя уже лет десять и прошло,
видны остались черной крови сгустки –
не стерто несмываемое зло.

Жестоко и ужасно было время,
все помнили об этом без сомненья.
Легко потом вздохнули, как узнали,
что схвачен Корпи Густав, он в тюрьме,
в сибирские теперь отослан дали,
век не появится уже нигде.

Да вот, должно быть, объявился снова
и, значит, станет жизнь опять суровой.
Задумал, видно, прежние делишки.
Вот ломиком сорвал с окна замок,
а люди спят средь ночи крепко слишком.
О, если б кто помочь сейчас им мог!

Но печь лучилась непогасшим светом,
лик человека осветив при этом,
В тот миг он не похож был на убийцу,
стоял тихонько и печально там.
Знать, было суждено тому случиться –
катились слезы по его щекам.

Под впечатлением того, что видел,
он долго созерцал сию обитель,
где людям спать спокойно, беззаботно
позволили их чистые сердца.
Подумал Густав: вот она – свобода!
И к приставу отправился с крыльца.

«Неси наручники, Я – Корпи Густав,
чьи руки кровью выпачканы густо!
Верни в Сибирь. На каторге томила
мечта: минутку в доме постоять,
себя представить с матушкой любимой,
и мысленно обнять ее опять».

Юрьё Юльхя (1903 – 1956)

КОЛОДЕЦ

(Kaivo)

Лютая зима, во время полдня
пушки бьют, но нет пока атаки:
взрывы и шрапнель – как перед дракой.
Нам блиндаж, как дом, приют Господень.
Раненого голос тонкой нитью:
– Братики, водички принесите.

Взрыв – земля и камни сыпанули.
Путь к колодцу плотно кроют пули
днем и ночью. А в конце дороги
лед кровавый – там убило многих.

Жажда губит всех неосторожных,
кажется: бросок, и все возможно...
Жаждающий, не жди водицы с неба –
чёрен снег, и нет другого снега.
Не найдется никогда отныне,
все вокруг покрылось гарью, пылью.
В горле жар, слабы в груди удары,
Где же санитар? Как ноют раны!

Раненого голос тонкой нитью:
– Братики, водички принесите.

И рискнул один: братишка просит,
слаб совсем, под смертную угрозой.
Ни о чем не думал в то мгновение,
лишь что друг погибнет в истощении.
Видеть это было сущей пыткой.
Побежал он по земле изрытой,
Котелок в руках, и слыша только:
– Братики, водички бы хоть сколько...

Перед блиндажом снарядов взрывы,
не видать давно солдата, жив ли?
Раненого голос тонкой нитью:
– Братики, водички принесите.

Гаснет день. Тревожат душу мысли,
что солдат тот над колодцем виснет,
кровь течет в колодец, и оттуда
не достанет он воды для друга.
Истекает молодою кровью,
гибнет под вечернею звездой.

Раненого голос тонкой нитью:
– Братики, водички принесите.

Перевод с финского языка:

Геннадий Михлин

(Начало публикации см.: №3/2017)

**23 – 24 марта 2018 года в Хельсинки
состоится научно-практический семинар.**

Тема семинара:

**«Художественный перевод
как средство для диалога культур».**

Организаторы:

**журнал Literarus в сотрудничестве с Кафедрой русского языка и
перевода Хельсинкского университета и
при участии Кафедры русского языка и литературы
Хельсинкского университета (Фонд R. Rymin-Nevanlinna).**

На семинаре планируется обсудить следующие вопросы перевода как
с русского языка, так и на русский язык:

- «Страница переводчика» в литературных журналах русского
зарубежья;
- особенности перевода прозы и поэзии, песен, оперных либретто,
комиксов, титров к мультфильмам;
- проблематика перевода детской литературы;
- самоперевод
и другие.

Рабочий язык семинара – русский.

Заявки на выступление и краткий абстракт (не более 1000 знаков)
принимаются до 15.01.2018 по электронной почте:

literarus@kolumbus.fi.

Организаторы не оплачивают докладчикам проезд и проживание.

**Следите за объявлениями
на нашем сайте:**

www.literarus.org

Тимо Вихавайнен

Образ финляндской революции в России

Финская социал-демократия, не без повода, пользовалась некоторым авторитетом и престижем даже за границей.

Партия пользовалась в Финляндии огромной популярностью и на выборах 1916-го она даже получила абсолютное большинство: 103 мандатов из 200 в финском сейме.¹

При этом выборы проходили в свободной форме, при всеобщем и равном праве голоса, тайным голосованием. Женщины также имели право голоса. Другими словами, политическую систему Финляндии можно было назвать самой демократической в мире. Сравнить можно было только с Новой Зеландией.

Правда, с точки зрения социал-демократического учения, огромная популярность самих социал-демократов именно в Финляндии была аномалией. Ведь по марксистскому прогнозу именно рост промышленного пролетариата был бы залогом победы социал-демократов. За них бы голосовали именно рабочие, «заваренные в котлах завода».

В Финляндии все-таки промышленного пролетариата было еще мало. За социал-демократов голосовала прежде всего сельская беднота.

С другой стороны, эта сельская беднота была хорошо организована. Она имела свои многочисленные партийные организации, профсоюзы и так далее. Практически все были грамотные и читали газеты и литературу. Это был просвещенный сельский пролетариат.

Именно высокая организованность была отличительной чертой финской социал-демократии. Как и следовало ожидать, классовая борьба все-таки была краеугольным камнем и в доктрине финских социал-демократов.

В условиях Финляндии это означало политическую и экономическую борьбу

в легальных формах. Самым великим пророком марксизма для финских социал-демократов был немец Карл Каутский, которого Ленин потом называл «ренегатом» и «мещанином».²

В условиях гражданской свободы и демократии политическая борьба естественно была ограничена легальными рамками. Связь с русскими революционерами поддерживалась только негласно. Финские социал-демократы поняли, что у них уже были большие достижения. Их хотели сохранить и поэтому боялись сотрудничества с русскими.³

Как ортодоксальные марксисты, финские социал-демократы тоже сторонились сотрудничества с классовым врагом, т. е. буржуазией.

После первых демократических выборов социал-демократы не были согласны участвовать в финском правительстве (сенат), хотя стали самой крупной партией, получив 80 мандатов из 200.

Работа парламента оказалась непростой. Император – Великий князь Финляндский – все-таки имел верховную власть и должен был подтверждать все законы.

Мало того, государь также мог распускать сейм, и действительно распускал – не менее чем пять раз за 1908–1913 гг.

Поэтому многие перестали верить в возможность ввести большие общественные реформы путем парламентской работы. От этого так же пострадала активность участия в выборах. В 1905-ом г. 68,9% мужчин и 60,3% женщин голосовало на выборах. В 1906-ом г. цифры были следующими: 61 и 51,4%. Общая активность была всего 55,5%.

Тем не менее, социал-демократы в 1916-ом г. получили абсолютное большинство в сейме – 103 мандата из 200.

Финское правительство (сенат) на тот момент было в руках русских органов, которых вопреки финским законам назначил император-великий князь.

Февральская революция 1917 г. в корне изменила политическую ситуацию Финляндии. В марте было сформировано новое правительство, и социал-демократы уже не сторонились в этом участвовать.

Новое правительство стало коалиционным. Шесть мест получили социал-демократы и шесть – остальные («буржуазные») партии. Председателем «экономического отделения» сената (премьер-министром) стал социал-демократ Оскар Токой. Социал-демократом был так же председатель сейма, Куллерво Маннер.⁴

В связи с февральской революцией Россия перестала быть монархией. С точки зрения Финляндии, юридическая ситуация стала неясной, так как института верховной власти не стало.

Социал-демократы, так же как и буржуазные юристы, считали, что временное правительство не имеет прерогатив Великого князя и утверждали, что это обязанность финского сейма.

Политически это имело бы очень серьезные последствия как внутри Финляндии, так и для России.

Внутри Финляндии социал-демократы наконец имели бы возможность издать желаемые ими законы. Этого, естественно, испугались многие представители буржуазных партий.

С точки зрения России, поручение выше описанных полномочий сейму делало власть русских органов очень незначительной. В разгар великой войны это более или менее означало покушение на цельность империи.

В тот момент, когда у временного правительства были трудности, и факт

его свержения становился очевидным, 18 июля финский сейм одобрил т. н. закон о власти. Согласно этому, высшая власть в Финляндии была прерогативой сейма.

Не одоблив такого решения, временное правительство распустило сейм и назначило новые выборы. Согласно своему пониманию правовой ситуации, социал-демократические члены сейма не одобрили манифеста о его роспуске.

В финском сенате вопрос об издании манифеста послужил почвой для разногласия. Шесть сенаторов-социал-демократов проголосовало против, а шесть представителей буржуазного общества были за издание манифеста. В конце концов вопрос был решен генерал-губернатором, который имел право участвовать в работе сената, но обычно так не делал, не владея финским языком.⁵

На новых выборах сейма 1 и 2 октября 1917 социал-демократы потеряли свое большинство. На этот раз они получили 92 мандата из 200. Все-таки новые выборы отражали политические взгляды населения лучше, чем прежние, ибо активность избирателей достигла 69,2%, т.е., было на 13,7% больше чем в 1916 г.

Тем не менее, разочарование социал-демократов было огромное. Политическая работа при «буржуазном» парламентаризме оказалось бесплодной. Русские власти, вместе с финскими «буржуями» блокировали путь социал-демократии к полноте власти в стране.

Финские социал-демократы сторонились сотрудничества с русскими революционерами вплоть до 1917 г. Правда, еще в 1905 г. было некоторое сотрудничество на уровне рабочих масс, но в общем и целом,

«русские» методы борьбы финны считали неуместными в своей стране.

Однако, в 1917 году, когда массовые беспорядки, нередко с участием русских военных, стали все более обычным явлением, традиционная вера в закон и порядок колебалась все чаще.

Более того, так как старая власть в Финляндии была свержена, то и опасность беспорядков была велика, что привело к формированию охранных групп. Со временем эти группы получили новые названия: красная гвардия (*punakaarti, röda garden*) и охранная гвардия (*suojeluskunta, skyddskår*).

Таким образом и в Финляндии была создана новая ситуация: *двоевластие*. В стране было два добровольческих вооруженных войска, но не было регулярной армии или полиции, за исключением русских войск, которые находились в состоянии распада.⁶

Еще в июле финские социал-демократы предпочитали сотрудничать с меньшевиками и эсерами, которые имели власть в советском конгрессе.

Но когда большевики оказались во власти, финские социал-демократы поспешили заручиться у них поддержкой. Надо отметить, что большевистские агитаторы, Сталин и Коллонтай, тоже приехали в Финляндию, чтобы сподвигнуть финнов и находившихся в Финляндии русских солдат к переходу на их сторону, с целью поддержать переворот.

Попытка не была напрасной. Правда, провозглашенная «всеобщая забастовка» во время Октябрьского переворота еще не означала революцию. На самом деле, вопрос о насильственном взятии власти «буржуев» был поставлен уже тогда, но по инерции или «непонятной трусости» (Сталин) социал-демократическая

верхушка осталась в здравом уме и вернулась к методам парламентаризма, прекратив забастовку.⁷

Только 28 января 1918-го г., как известно, социал-демократическая партия провозгласила в Финляндии революцию.

Не только в глазах будущих поколений это было крайне странным явлением. Современники тоже выражали свое непонимание: «демократическая революция» в самой демократической стране!⁸

В программу революции вошли некоторые социалистические требования, но не диктатура пролетариата. Правда, проект революционеров новой формы правления был очень странным, например в том смысле, что он указывал на долг народа восстать и свергнуть сейм, если тот посмел бы отказать от нового строя.⁹

По крайней мере программу нового правительства можно было назвать «демократической», хотя и методы действия правительства иногда таковыми не являлись. Тот факт, что та самая демократическая революция все-таки произошла в стране, которая уже была, пожалуй, самой демократической в мире, конечно не могла не вызывать недоверия к вышеупомянутой программе.

На самом деле, очень трудно понять, почему же финские социал-демократы в конце концов не отказались от вооруженного восстания.

Известно, что давление со стороны «улиц» было сильное. Происходящее усугубилось тем, что безработица и голод резко возросли в результате банкротства русского правительства. Десятки тысяч потеряли свою работу, и прокормить себя и семью было нечем.

Вдобавок, большевики не только агитировали финнов к революции, но

также достаточно хорошо вооружали их. Вместе с тем, в стране были еще десятки тысяч русских солдат, и большевики обещали заставить их встать на сторону восстания.

Фактически, русской помощи не хватало для сопротивления «белой гвардии», как стали называть армию, которая состояла из охранных отрядов. К тому же, белые получили помощь как из Германии, так и из Швеции.

Гражданская война, которую стали называть войной освобождения, стала крайне безжалостной. Такого многие и не смели ожидать от финнов, которых было принято считать добродушными и неторопливыми. Когда, к концу войны, ещё и появились сведения о массовом убийстве русских в Выборге, это вызвало крайнее разочарование и недоумение.¹⁰

В целом, в Финляндии произошло что-то совсем невероятное. Великое княжество, которое всегда славилось своей образованностью и законопослушностью, стало вдруг примером зверства и насилия. Это надо было чем-нибудь объяснить.

Об этом узнали лишь в мае 1918-го. До этого русские наблюдатели многое писали о финской революции – не только большевики, но и меньшевики, эсэры и даже кадеты. Большевикам не удалось сразу задушить свободу прессы, и будет небезынтересно рассмотреть, как сравнивали финскую революцию и переворот большевиков.

Как известно, революция в Финляндии была действительно массовым явлением, а не только переворотом на вершине власти. Десятки, если не сотни тысяч людей активно участвовали в событиях, вооруженной борьбе, в местном управлении и т. п.¹¹

В России же переворот большевиков первоначально был прежде всего

произвольным свержением власти Временного правительства, которое все-таки имело поддержку крупнейших социалистической партии и которое подготовило народам России учредительное собрание. Последнее же было мечтой российской демократии уже на протяжении ста лет, и большевики также требовали его созыва.

Пару месяцев после октябрьского переворота большевиков в России не происходило значительных революционных изменений. Исключение составили акты анархии, развал армии и преследования других политических партий, кроме самих большевиков и левых эсеров, которые были в правительстве. Имела ли вообще революция в России место быть? Николай Бердяев считал, что никакой революции не было.¹²

Зато налицо были произвол большевиков против всех святых гражданских свобод, разгул анархии и притеснение политических противников, социалистов в том числе. Ситуация была хуже, чем при царях.

Как показано в книге Дзэйна Бурбанка, недовольство интеллигенции большевиками было всеобщим явлением.¹³ Не только такие писатели как Иван Бунин и Максим Горький резко критиковали революционную анархию «советской власти».¹⁴ Почти вся интеллигенция была против.

Газеты, такие как («наибольшевистская») *Новая жизнь*, эсеровская *Дело народа*, *Наш век* кадетов, *Новый луч* меньшевиков и другие пристально следили за событиями в Финляндии весной 1918 г.

А в Финляндии хотели видеть альтернативу российским событиям. Если альтернатива была, то что она из себя представляла?

Можно сказать, что российская пресса, за исключением большевистской, в начале 1918-го г. дружно провозгласила, что настоящая социалистическая революция имеет место быть не в России, а в Финляндии.

Какие были отличительные свойства этой настоящей революции и чем она отличалась от российской?

Кадетский *Наш век* считал важным заявление члена финского красного правительства Ю. Сирола, который сказал, что например контроль за банками нес только практическую задачу, тем самым только препятствуя финансированию контрреволюции.¹⁵

Более того, финны хотели сохранить демократический парламентаризм и явно отказывались от идеи диктатуры пролетариата. Так же между российскими советами и финскими местными органами было важное различие: в Финляндии их задачи были только административные. Судебных или законодательных полномочий они не имели.¹⁶

Эсеровская *Дело народа* подчеркивала, что в Финляндии не было «анархо-советизма». В Финляндии банки и заводы, а также землю не социализировали. «Власть советов» не была тем идеалом народной власти.¹⁷

А самым важным является то, что финны сохранили идею демократии. Они пообещали плебисцит. Можно было только себе представить декрет от Ленина, который бы пообещал такое!¹⁸

А. Серебров в *Новой жизни* подчеркивал, что в Финляндии – а не в России – социал-демократы «не раз» имели большинство в парламенте, иначе говоря, они представляли волю если не большинства, то примерно половины народа. Более того, в Финляндии под властью революции не подразумевалось солдатского элемента.¹⁹

Как считала *Новая жизнь*, финская революция глубоко отличалась от русского переворота. В Финляндии революционеры имели бы право называть себя «диктатурой пролетариата». Следует также отметить, что в Финляндии не кричали о «скоропалительном социализме» и не использовали лозунг «беспощадности», чем гордились смольнинские вожди.

Таким образом, революция в Финляндии имела строго практический характер. Их мероприятия были только шаги на пути к социализму, но не сам социализм. Иначе говоря, принципы финской революции были те самые, которые *Новая Жизнь* не раз предлагала русским советам.²⁰

После Брестского мира было ясно, что финская революция гибнет. Многие русские газеты сочувствовали. *Меньшевицкий Вперед* писала о «славной смерти» и считала, что «Октябрьская революция» обманула финнов. Они же считали, что этот переворот был действительно социалистической революцией.²¹

Рафаил Григорьев из *Новой жизни* тоже жалел о судьбе финнов. В Финляндии же друг против друга воевали два класса, тогда как в России линия фронта шла через русскую демократию.²²

Новый луч считал, что «трагедия финского пролетариата» была трагедией всего интернационала. В Финляндии речь шла все-таки о настоящей революции и не об анархии, где говорили о «коммунизме» и «грабили награбленное». Финны поверили в международную солидарность большевиков, а их продали немцам.²³

Вопрос об «измене» финской революции был, естественно, задан и в большевистских рядах. Судьба власти большевиков все-таки была для

верхушки дороже всех других ценностей, и Брест-Литовский мир был подписан 3 марта 1918-го, хотя как левые СР-ы, так и левые большевики были против.

Кстати говоря, сама финская гражданская война была чрезвычайно кровавой и беспощадной. Она уже началась, в то время как в России ничего подобного еще не было.

Появляющиеся новости о кровавом белом терроре в Финляндии шокировали даже большевиков, которые называли белых «дикой и кровожадной шайкой». Все больше страдала репутация финнов от «трусливых и зверских» расстрелов русских, даже тех, кто вовсе не участвовал в гражданской войне.²⁴

Правда, как сообщали газеты, такие зверства совершали только белые. Можно было считать, что в конце концов виновата во всем была «окаянная буржуазная культура».²⁵

В итоге, рассматривая реакцию русской прессы на финскую 1918-го, можно говорить о «романе» русской демократии с финской революцией 1918-го года. Как во всех романах, в начале процесса появляется склонность идеализировать предмет обожания. Потом образ другого приобретает все более реалистичные черты.

При этом финская революция 1918-го предоставила для русской публики интересную возможность сравнивать свои местные события с заграничными.

Пример Финляндии также продемонстрировал реальности гражданской войны, которую Ленин так легкомысленно в своих «апрельских тезисах» проповедовал для всей Европы. Таких ужасов, которые произошли в Финляндии, которую традиционно считали

спокойной и разумной, тогда еще практически не было в России.²⁶

Но финские события скоро оказались в тени более крупных событий. Так же как Отечественная война 1812-го г. затмила Финскую войну 1808–1809 гг. и как Великая отечественная война 1941–1945 гг. затмила Зимнюю войну 1939–1940 гг., так и Гражданская война России 1918–1922 затмила Гражданскую войну в Финляндии 1918-го года.

¹ См. Юссила, Хентия, Невакиви, Политическая история Финляндии 1809–1995. «Весь мир» Москва 1998.

² <http://leninism.su/works/76-tom-37/1371-proletarskaya-revolucziya-i-renegat-kautskij1.html>

³ Антти Куяла, Кризис в русско-финских отношениях. В кн. Русский сборник XVII, Модест Колеров, Москва 2015, 203–204.

⁴ О развитии финляндской политики и отношении с Россией см. Юссила, Хентия, Невакиви 1998.

⁵ Подробно об этом см. Eino Ketola, Kansalliseen kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosialidemokraatit ja Venäjän vallankumous. Helsinki 1987

⁶ Risto Alapuro, State and Revolution in Finland, UCLA Press 1988.

⁷ О революционной ситуации в ноябре см. Viktor Holodkovski, Suomen työväen vallankumous 1918, Moskova 1978, s. 44–82.

⁸ См. дневники: Juhani Aho, Najamietteitä kapinaviikoilta I, WSOY, Porvoo 1918, s. 27; Santeri Alkion päiväkirjat II, Profeetta 1914–1918. SKS Helsinki 2012

⁹ Anthony Upton, The Finnish Revolution 1917–1918. University of Minnesota Press, 1980, 361–363, 390–395.

¹⁰ См. Красная газета 21.6.1918 «Т. Володарский и Красная газета».

¹¹ Только в красной гвардии было до 80000–90000 человек.

¹² http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_bila_revolutcia/

¹³ Jane Burbank, Intelligentsia and Revolution, Oxford University Press 1986.

¹⁴ И. Бунин, Окаянные дни (1918), Максим Горький, Несвоевременные мысли (1917–1918). Москва Айрис пресс, 2004.

¹⁵ Беседа с г. Сирола, Наш век 17.2.1918

¹⁶ Письма из Гельсингфорса, Наш век 23.2.1918

¹⁷ В.В. Сухомлин, Письма из Финляндии, Дело народа 30.3.1918

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. Серебров, Финляндская революция. Новая жизнь 3.2.1918.

²⁰ Там же.

²¹ «Славная смерть», Вперед 17.4.1918

²² Рафаил Григорьев, Трагедия Финляндии, Новая жизнь 13.4.1918

²³ Трагедия финляндского пролетариата, Новый луч 23.3.1918

²⁴ Расстрел русских граждан в Выборге; Урок расстрелов в Выборге, Красная газета 9.5.1918. Рафаил Григорьев, Белый террор, Новая жизнь 15.5.1918

²⁵ Красная Газета 9.5.1918.

²⁶ Еще осенью 1918 г. большевики аполлогизировали расстрелы заложников тем, что в Финляндии белые расстреляли 20000 человек (на самом деле, расстрелянных красных было 7000–8000) и Краснов на Дону 15000. «Заложники во время революции». Петроградская правда 12.9.1918.

ТВ

Хельсинки

Знаете ли вы Хельсинки?

Suomi
Finland
100

TALSINKI – это символическое сочетание названия городов Tallinn – Helsinki встречает всех, кто приходит на выставку, которая открылась в "Virka-galleria" в мэрии г. Хельсинки.

Революция 1917 года в России и то, что происходило после нее, во многом определило дальнейшие исторические события. Две соседние страны – Финляндия и Эстония – отмечают независимость, приобретенную именно в этот период: в течение нескольких месяцев в 1917 и в 1918.

Выставка SILTA (МОСТ) рассказывает об искусстве обеих стран и их ресурсах, показывает как различие между ними, так и общее, что делает республики похожими, включая патриотизм, национальную гордость и чувство независимости.

Выставка открыта
до 25 февраля 2018.
Пон – пят: 9–19
Суб – вс: 10–16
Адрес: Sofiankatu 1,
00170 Helsinki
Вход свободный.

На выставке представлены работы финских и эстонских фотографов и художников. Среди художников Алексей Гордин (Alexei Gordin), Марья Хеландер (Marja Helander), Фло Касеару (Flo Kasearu), Йоханна Кетола (Johanna Ketola), Карел Коплиметс (Karel Koplimets), Татьяна Муравская (Tatjana Muravskaja), Сепиден Рахаа (Sepiden Rahaa) и Санны Сеппо (Sanni Seppo).

Это первая подобная выставка двух стран, находящихся по обеим сторонам залива.

Зинаида Линден

Узурпатор

В ту ночь Старик успел немало. Полдюжины фонарных столбов по одну сторону площади, полдюжины – по другую. Наклеивать листовки приходилось с осторожностью, выжидая, когда редкие прохожие удалятся на достаточное расстояние. Дойдя до залива, Старик остановился, украдкой осматриваясь. Несмотря на промозглую осеннюю погоду, здесь, под деревьями, вполне могли ютиться бомжи, наркоманы или румынские цыгане. Перед Стариком простирался знакомый с детства Длинный мост. Сейчас он казался бесконечным: противоположный конец моста терялся в тумане.

Старик вспомнил, как полгода тому назад, в разгар шумного апрельского дня, сюда забрел лебедь из парка Кайсаниеми. Пару минут птица стояла на мосту, вытянув шею, не обращая внимания на прохожих. Лебедь явно хотел перелететь через каменное

ограждение моста, но не решался. Внезапно он направился к проезжей части моста. Немолодая женщина в коричневой куртке взмахнула большой темной сумкой, с которой, видимо, шла на рынок. Напрасно она пыталась отогнать птицу от проезжей части. Лебедь решительно спрыгнул с тротуара и заковылял наперерез движущемуся по мосту трамваю. Продолжая размахивать сумкой, женщина вышла на проезжую часть. Затормозил автобус номер 23. Остановилось черное такси. «Кыш! Кыш!» Казалось, женщина кричала это и лебедю, и движущемуся транспорту. Совместными усилиями прохожие загнали птицу обратно на тротуар, а потом проводили вниз, к заливу.

Старик сглотнул слюну. В том весеннем происшествии было нечто ребячески веселое. Вместе со всеми он энергично кричал: «Кыш! Кыш!», махал руками и даже обменялся парой фраз с женщиной в коричневой куртке. Она была примерно одних с ним лет. Судя по выговору, она выросла не в Хельсинки, а где-то на юго-западе страны. Сам Старик не выскочил на проезжую часть моста, чтобы защитить лебедя. Женщина смогла это сделать, а он – нет. На нее смотрели все, а его никто даже не заметил. И не запомнил. В том числе, та женщина. Но ведь тогда у него в руках не было вместительной сумки, с помощью которой можно было остановить идущий по Длинному мосту транспорт. Зато теперь у него с собой была похожая сумка. Он знал, что делает важное дело. Та женщина хотела спасти лишь одного лебедя, а он защищает всех лебедей страны. Он спасает Лебеда Финляндии, символ нации. Сосед рассказывал: в тех местах, где у него дача, румынские цыгане лебедей убивают и едят. И негры тоже.

Перейти Длинный мост в ночном тумане у Старика не хватило смелости. Вздохнув, он побрел обратно к площади

Хаканиями. Водосточные трубы обклеивать проще, чем фонарные столбы. Красться в этот час вдоль фасадов не так жутко, как трусить по открытому пространству, исчерченному трамвайными рельсами.

Остановившись у закусочной «Subway», глядевшей незрячими окнами на слабо освещенную площадь, Старик поправил на голове кепку, вытащил из сумки рулончик прозрачного скотча и приладил листовку к водосточной трубе.

Внезапно распахнулась дверь в подъезде слева. Послышался лай крупной собаки. У Старика перехватило дыхание. Листовка слетела на тротуар.

Кто-то прикрикнул на собаку. Мимо Старика прошагали два здоровенных парня. Тот, что шел ближе к нему, вел на поводке немецкую овчарку. На Старика они обратили не больше внимания, чем на водосточную трубу, к которой он льнул.

Парни оживленно переговаривались. Судя по выговору, оба были здешние.

– Знаешь, что мой братишка затеял?

– Ну?

– Решил стать наемным солдатом!

– Серьезно? И куда он собирается?

– Не знает еще. Есть такая организация, «Блэкуотер»...

Дальше Старик не расслышал. Парни завернули за угол.

Через несколько минут сердцебиение прекратилось. Он нагнулся и подобрал с асфальта листовку. Она не промокла.

Старик удовлетворенно кивнул.

Множительно-копировальной техники у него дома не было. Приходилось писать от руки, печатными буквами. Особо важные места он выделял желтым фломастером.

Защитим наших жен и детей от насильников и террористов! Статистика преступлений, совершаемых иммигрантами, однозначна. Если Финляндия откроет границы, рост

преступности неизбежен.

Через день-другой его призывы будут содраны стражами общественного порядка. Но к тому времени их успеет прочесть немало прохожих.

Ему удалось расклеить еще три листовки, прежде чем вдалеке послышался вой сирены. «Скорая помощь»? Полиция? Впрочем, к сиренам он был привычен. В Каллио, его родном районе Хельсинки, сирены были не исключением, а правилом.

Все же, пора было возвращаться домой. Если его застанут за расклейкой листовок, придется платить штраф. Денег у него было негусто, но дело было не в этом. Самое неприятное был бы не штраф, а необходимость предъявить удостоверение личности. Удостоверение Старик носил с собой во время ночных вылазок, чтобы его не забрали в полицейский участок.

В документе значилось имя, которое знала вся Финляндия. Матти Пеллонпяя.

Прежде чем актер Матти Пеллонпяя стал известен во всей Финляндии, Старик жил вполне сносно. Закончил школу с приличными оценками, потом училище. Работал на таможне. Женился. Родилась дочка.

В молодости он знал всех, кого встречал в своем квартале. Знал если не лично, то хотя бы шапочно. Тогда в Финляндии еще не было черных. Не было и зеленых, которые сейчас их с таким рвением защищают. Проблемы были только с красными.

Красных он ненавидел всей душой. Хеллу Вуолийоки, тайстоитов, пятую колонну, всех этих, лебезящих перед русскими. Взять бы и перестрелять их. Сколько тогда было промывки мозгов, самоцензуры, тошнотворных лозунгов, криков о солидарности! В те времена вокруг будущего Старика хватало людей,

понимавших его без лишних слов: родственников, соседей, сослуживцев. Был еще жив отец, не стеснявшийся принародно дать придуркам отповедь. Вместе им было легче выдерживать натиск агитпропа, разной там хохломы и гжели, космонавтов с их белозубым оскалом, пляшущих в телевизоре кавказцев, целующихся Кекконена и Брежнева. Марши мира, водочный туризм, джинсы, жвачка, «Миллион алых роз», дешевые девки, продажные профсоюзные лидеры, безответственные родители, отправляющие детей в какой-то пионерский ГУЛАГ, одуроченные финские тетки, потные хиппи, лопухие пацифисты, «Интернационал», «Blowing in the Wind» – от всего этого было противоядие.

У рыночного прилавка, где черные нынче торгуют кебабом, похожим на кашаки, можно было перемигнуться с мясником, любителем карикатур Кари Суомалайнена. С мясником будущий Старик стоял бок о бок в толпе, на открытии отвратительного памятника «Мир во всем мире», дара Москвы городу Хельсинки. Мясника вскоре разбил инсульт, а карикатурист Кари Суомалайнен еще целый год оставался источником здравого смысла для всех приличных финнов, пока политкорректные идиоты не уволили его из Главной газеты страны.

С развалом СССР пятая колонна в вельветовых штанах-дудках постепенно исчезла. Обанкротившиеся враги капитала ушли в бизнес. Пара хамелеонов, продав обратно в Россию свои «Жигули», окопалась в политике. Большинство, впрочем, превратилось в отшельников, в профессиональных безработных. Иные перешли в буддизм, на сою, на какие-то ростки, покончили с собой или растворились в красном вине.

Но еще до того на общественной арене появился Узурпатор. Из-за него Старик

стал суетливым неудачником, лишившись покоя и уверенности в себе. Это был рейдерский захват. Узурпатор похитил его доброе имя. И вообще – жизнь.

Началось это в середине восьмидесятих. Старик, в то время мужчина в самом расцвете сил, услышал, как дочка говорит жене:

– Мама, сейчас по радио передавали сказки, а потом объявили: их читал вслух наш папа!

– Этот... артист – просто мой тезка, – мрачно пояснил Старик. – Тезка может быть у кого угодно, Санни. Это ничего не значит.

– Почему не значит? – возражала Санни. – А мне нравится. Здорово! Как будто это ты, папа, выступаешь по радио. Как будто ты знаменитый. Ну хоть понарошку...

Старик всегда охотно слушал радио. Теперь же стал относиться к нему насторожено.

А девочка полюбила самозванца с первой минуты. Еще до того, как увидела его на экране кинотеатра. Все это была чистейшая случайность. Досадное совпадение. Узурпатор оказался полным тезкой Старика. У них были одинаковые имя и фамилия. И даже второе имя: Калерво.

Оба они выросли в одном и том же районе города, но в разное время. Внешне были немного похожи. С пышными усами в форме перевернутой подковы Старику пришлось расстаться. У этого выскочки были такие же. Узурпатор красовался в них перед кинокамерами. Лишь для одного фильма он их сбрил, но вскоре отрастил вновь.

Старик и не думал смотреть его фильмов. Ставил их левацкий режиссер по фамилии Каурисмяки, бойко торговавший за рубежом Финляндией, которой на самом деле не было – приниженной, бедной, русофильской.

Даже финский язык в его фильмах звучал ходульно. В жизни так никто не говорит, злился Старик. Когда у него еще была работа, он сталкивался с иностранными поклонниками этого режиссера. Немцами, французами, греками. От их хвалебных слов о своем «симпатичном и талантливом» тезке у Старика все переворачивалось внутри.

Но игнорировать Узурпатора было невозможно. Кроме кино, он играл еще в каком-то рок-ансамбле. Его изнуренная алкоголем физиономия и нарочито грустный взгляд подстерегали Старика на афишах при выходе из метро, отравляли утренний кофе, мелькая на первой полосе Главной газеты страны.

Даже за океан этот тип ухитрился пробраться. В Америку! Снялся там в фильме какого-то тамошнего сумасшедшего со всклокоченными седыми патлами. Финские средства массовой информации ликовали. Старик морщился и плевался.

Узурпатор стал настоящей звездой, лицом Финляндии за рубежом, а Старик растерял остатки гонора. Потерял он и жену – она ушла к какому-то прощелыге, дочку Санни и, наконец, работу. После развала СССР на таможне начались сокращения штатов.

Даже его имя ему больше не принадлежало. Оно было запятнано, опошлено, опоганено. Сколько раз непроницаемое лицо того или иного служащего вдруг оживлялось, расцветая дурацкой улыбкой при виде документов Старика! В банке, на почте, в управлении социального обеспечения... Но ведь у Старика был облик порядочного человека, а не богемного левака, ночующего на диванах у приятелей.

Особенно тяжело приходилось, когда Старика выкликали по имени в поликлинике. Или в лаборатории, куда он ходил сдавать анализы. Разновозрастная очередь дружно делала

стойку. Все головы поворачивались в его сторону. Скрываясь за дверью кабинета, Старик заgrimком чувствовал любопытные взгляды. Навстречу уже ухмылялась медсестра, с садистским удовольствием повторяя его имя. И радостно втыкала иглу ему в вену.

Никто, никто ему не сочувствовал. Бестактные люди пытались обсуждать с ним фильмы, в которых играл Узурпатор. Тактичные осведомлялись, не родственник ли он прославленному актеру.

Старик отвечал односложно, сквозь зубы. У него всегда были превосходные зубы, несмотря на курение. Твердая эмаль, прекрасный белый цвет. Ни разу не возникало необходимости их сверлить.

Один его школьный товарищ по фамилии Китлер получил при крещении имя Адольф. Родился он в начале сорок четвертого. Имя потом сменил и стал называться Юхани. Но такой вариант Старика не подходил. Сменить имя было нелегко. Имя ему дала мать. Фамилия досталась ему от отца. Сменить фамилию значило бы опозорить род.

Нет, он решил держаться до конца. Бороться с этой чумой. В конце концов, у каждого в жизни свой крест. Впрочем, на Бога Старик не очень-то надеялся. С Богом у него были честные договорные отношения. Но Бог их нарушил, лишив Старика всего. Даже имени.

Комфортно он себя ощущал лишь в подъезде своего дома. На доске при входе и на дверях квартир значились фамилии жильцов, без имен. Фамилия «Пеллонпя» вызывала прямые ассоциации с Узурпатором лишь в сочетании с именем. Табличка на двери Старика выглядела вполне пристойно.

Соседи не подвергали его ни расспросам, ни комментариям. Они знали его еще до появления Узурпатора

на киноэкранах. Впрочем, состав жильцов в последние годы изменился. Многие умерли. Наследники стали сдавать квартиры в аренду. Из рабочего района Каллио превратился в место обитания хипстеров, вроде телеведущих. Аренда тут была высокая. Плодовитым неграм и прочим «новым финнам» она, к счастью, была не по карману, а тесные квартирки – не по размеру. Какие-то черные в течение года снимали однокомнатную клетушку напротив.

Оказались, впрочем, не арабами, а итальянцами. Сейчас там жил тихоня лет тридцати по фамилии Лаппалайнен. Он не был похож на человека с высокими доходами. Гости к нему не ходили. Дома этот Лаппалайнен бывал редко. Нередко появлялся на лестничной площадке с чемоданчиком после полуночи или даже в четыре утра. Все это было подозрительно. Чем он занимается, Старик мог только гадать, принимая у себя дома к дверному глазку.

Сосед этажом выше, Яаккола, бывший шофер-дальнобойщик, года полтора назад вдруг женился на марокканке. Старик, помнивший его постреленком с белокурой челкой, такого не ожидал. Яаккола был парень как парень. Ходил на танцы, выпивал. Был женат на одной, из Тиккурилы, развелся. Марокканка была рябоватая, не первой свежести. И даже не второй. Ходила в джинсах, на голову наворачивала какую-то тряпку. Быстро наострилась говорить по-фински. Яаккола познакомился с ней, когда был в рейсе в Марокко. Ради женитьбы принял ислам, но пить продолжал. Марокканка родила мальчика – и странное трио исчезло из жизни Старика, перебравшись куда-то в пригород.

С соседями по фамилии Салокангас было не лучше. Их дочь на три года моложе Санни в последнее время навещала родителей в длинной одежде и

в платке. Видно, заделалась послушницей в православном монастыре, решил Старик. Но как-то Салокангас-отец, столкнувшись со Стариком у мусорных баков, сообщил, глядя куда-то в сторону, что дочь стала магометанкой.

Подробностей Старик не знал. Одно было ясно: в отличие от пьяницы Яакколы, дочь Салокангасов приняла ислам не формально, а по убеждению.

Может, это новая форма молодежного бунта? Раньше из бунтарей получались сталинисты или хиппи, думал Старик. Теперь – борцы за права животных, магометане.

Санни в ислам не перешла. Но и с ней дело обстояло неважно. От большого ума она видела высший смысл в том, что происходит от человека, носящего имя и фамилию героя фильмов, по прихоти судьбы ставших визитной карточкой финского кино во всем мире. Однажды она попыталась украсить свою комнату портретом Узурпатора. Старик, обычно мягкий с дочкой, изорвал плакат в клочки.

После развода родителей Санни не захотела жить ни с ним, ни с матерью. Год прожила у бабушки, потом получила место в общежитии. Начала курить. Обрила себе полголовы. Вставила в ноздрю металлическую втулку. Бегала с палестинским платком на шее. Хорошо, хоть образование получила, диплом медсестры.

Умер Узурпатор внезапно. Услышав новость по радио, Старик облегченно вздохнул. Но этого ощущения хватило ненадолго. Наутро оно сменилось суевренным страхом. Газеты пестрели заголовками, от которых Старик было не по себе. Жутко видеть слова «скоростижно скончался» в непосредственной близости от своих имени и фамилии. Пил Узурпатор, не просыхая. Все же, он был почти на десять лет моложе Старика.

Вскоре позвонила Санни. Станным тоном объявила:

– Ты свободен.

Она ошибалась. Кончина Узурпатора не принесла Старику избавления. Как и прежде, головы в очереди поворачивались в его сторону, когда громко называли его имя. О тезке Старика продолжали трубить в газетах. Писали, что поминки по Узурпатору сопровождалось пением и даже танцами. Покойный желал, чтобы на его похоронах люди не плакали, а веселились. Писали, что его могила – одна из самых посещаемых на кладбище в Мальми. Писали, писали, писали.

Через несколько лет Санни перебралась в Норвегию. Медсестрам там платили больше.

Санни получила работу в больнице в Осло. Звонила она нечасто. Правда, исправно писала открытки на рождество, на день рождения. Не забывала и про День отца. В адресе получателя указывала не полное имя Старика, а лишь инициал. Удивительно, ведь раньше Санни особой деликатности не проявляла.

Ей было уже за тридцать, когда она встретила норвежца, школьного учителя. Свадьбы у них не было. Просто пошли там в магистрат, расписались и поставили в известность родню.

Молодые приезжали на три дня в Хельсинки. Привезли бутылку норвежского коньяку «Braastad» со вкусом яблока или абрикоса, коричневый сыр «brunost». Принесли готовый обед, купленный в «Стокманне».

Санни повзрослела. Даже стала выше ростом. Теперь она напоминала свою маму в молодости. Радоваться этому или печалиться, Старик определить для себя не мог. В эмоциях он вообще разбирался

слабо. Нередко то или иное чувство застигало его врасплох, будто внезапный ливень. Оставалось одно: переждать ливень и жить дальше.

Санни преподнесла отцу шерстяной шарф собственной вязки.

– Ишь, мастерица! – довольно усмехнулся он, разглядывая подарок. – Раньше тебя, бывало, дома и зубами не удержишь. Рукодельничаешь. Гнездышко вьешь...

Зятя звали Эрланн. Волосы у него были ярко-рыжие. Сначала Старик пытался с ним объясняться по-шведски, но после того, как Санни расхохоталась, услышав в его речи слова, которые уже лет тридцать никто не употребляет, обиделся и перешел на немецкий. Этот иностранный язык он знал лучше всего, еще со школы.

Выяснилось, официальный брак им понадобился, чтобы начать процедуру усыновления ребенка. Из какой страны? Спросить Старик не решился, чтобы не огорчаться. Норвежцы ведь давно махнули рукой на свои корни. Норвегия полна разных там черных и желтых. Норвежцы вообще не заботятся о чистоте нации. Неудивительно, что у Санни с мужем не получалось зачать ребенка. Учительская работа отнимала у Эрланна массу энергии. Досуг он тратил на организацию различных кампаний. Когда он не устраивал политические манифестации, то радел о сохранности исторических зданий, кладбищ, старых деревьев. Непоседливость была у него в крови.

По мере того как пустела бутылка с коньяком «Braastad», Эрланн с нарастающим воодушевлением рассказывал о своем дедушке, участнике Движения Сопротивления. Его дедушка воевал с немцами в составе Первой отдельной роты. Эрланн этим очень гордился.

– Диверсия в Вемарке, на заводе по производству тяжелой воды, стала победой для всей Норвегии, – вещал он. – Превосходно организованная акция саботажа! Немцы завод быстро восстановили, но важна была сама идея. Дух единства!

Старик разглядывал остатки творожного десерта. Зачерпнул ложечкой, принялся медленно пережевывать, хотя жевать там было нечего.

– Все это сделала горстка молодых парней. Просто вошли туда и взорвали. Настоящие мужчины! – продолжал норвежец. – В этом и был смысл. Выбрать сторону – и бороться.

Наступило неловкое молчание.

– Какой все-таки вкусный наш финский кофе «Президент!» – произнесла Санни светским тоном. – В Норвегии такого нет. Нет президента. Вместо него там король.

Мужчины принужденно улыбнулись.

– Эрланн, налить тебе еще чашечку?

В ушах у Старика звенел голос покойного отца: «Мы вообще не понимали, чем они там в Норвегии занимаются. Какое-то движение сопротивления... С русскими сотрудничали, через границу. С красными!»

– Выбрать сторону не всегда легко, – сказал Старик наконец. – А в Финляндии это было особенно трудно. У нас ведь была гражданская война, Зимняя война, «война-продолжение»...

– Папа, возьми еще десерта! – умоляюще перебила Санни.

–... а на десерт – Лапландская война! – мрачно закончил Старик.

Под градом выпадов зятя о блокаде Ленинграда он сохранял напускное спокойствие. Но стоило собеседнику умолкнуть, как Старик набрал в легкие воздух.

– В этом году юбилей Кнута Гамсуна! – торжественно сказал он. – Позвольте вас поздравить.

По-немецки Старик говорил зятю «вы». Неясно было, поздравляет ли он Эрланна лично или всю Норвегию в его лице.

– Ваше норвежское посольство в Хельсинки семинары организует, лекции про Гамсуна, – многозначительно продолжал Старик, наблюдая за выражением лица зятя. – Для широкой общественности... В газете у нас пишут. Но тут неувязочка вышла, господа норвежцы. Юбилей по всему миру празднуете, а приговор с Гамсуна за коллаборационизм не сняли. И права на его книги наследникам не вернули.

Рыжеволосый Эрланн, бледнолицый от природы, побелел еще больше.

– Вы бы определились сначала, – ехидно прибавил Старик. – Великий писатель – или великий предатель? А то неудобно.

Демарш не остался без ответа. Прощаясь, внук героя произнес с нарочитой учтивостью:

– Приятно, что вы тезка знаменитого актера! Я всегда восхищался Матти Пеллонпя. Это был лучший актер Финляндии.

Старик подавил досаду. Проводив гостей, он не спешил запираť дверь. Прокрался в тапочках на лестничную площадку и так постоял минуту-другую.

Лифтом гости не захотели воспользоваться. Санни по давней, детской привычке бежала вниз по лестнице. Стучали каблучки. Старик вглядывался в узкий пролет. Сверху было видно, как рука дочери двигается по перилам.

До него донеслись ее слова, обращенные к Эрланну:

– Я же тебе говорила, какой он. Преду-преждала. Зачем было провоцировать?

Потом все стихло.

Время потекло по-прежнему. У старости, как и у детства, нет календарей. Санни звонила редко. С усыновлением ребенка

из Колумбии возникли какие-то проблемы. Неизвестно было, состоится ли оно вообще. Лаппалайнен из квартиры напротив появлялся и исчезал со своим чемоданчиком. Лебеди из парка Кайсаниemi порой забредали на Длинный мост, но женщины в коричневой куртке не было видно.

Среди сидящих в очереди в поликлинике попадалось все больше таких, которые совсем не реагировали, слыша, как медсестра приглашает Старика в кабинет.

Это были темнокожие женщины в покрывалах, чумазые подростки с толстыми губами, усатые мужчины, от которых разило парфюмом. Они ничего не знали о финском кино.

Как ни странно, это было обидно. Порой Старика охватывало желание разъяснить им, что к чему. Но он сдерживался.

Ночные вылазки были его отдушиной. Расклеивая листовки, он чувствовал себя борцом за будущность страны. Пусть не героем, но человеком долга.

Они требуют себе отдельных смен в общественных бассейнах. Особых помещений, чтобы молиться по нескольку раз в день. Все это лишь начало. Начало конца.

Если люди плывут по три недели в утлых лодчонках и приплывают живыми, то они значительно выносливее среднего здорового европейца. Они приживутся в любом климате и нарожают массу детей.

Финляндия изменится. Изменится не только цвет ее кожи. Не будут эти сапрофиты всерьез осваивать язык, чтить традиции финского народа, соблюдать его законы и обычаи. Потому что это не их родина.

Прав был карикатурист Кари Суомалайнен. Кроме нашествия сапрофитов, Финляндии грозил кризис мужественности. Феминистки тепеь

ратуют за мультикультурализм, жалеют иммигрантов. Промывают мозги мужчинам, которые совсем обабились и не в силах сопротивляться.

Ежедневные выпуски новостей вызывали тревогу.

Швеция, давно отказавшаяся от своего естества в пользу мультикультурализма, намеревалась принять очередную группу иммигрантов. На это раз это были русские волки. Так шведские власти собирались улучшить волчью породу у себя в лесах. А о болезнях они подумали? О бешенстве, например. Да и вообще: чего хорошего можно ожидать от переселенцев из России?

К счастью, попадались и новости, поддерживающие ощущение преемственности и стабильности. Юха Вальяккала, он же Аслак Вальдемар Ахонен, он же Никита Фугантин, вновь бежал из тюрьмы. Певица Катри Хелена опять с кем-то то ли рассталась, то ли съехала. Так же про них писали и двадцать, и тридцать лет назад.

За вычетом ночных вылазок, Старик редко покидал свое жилище после трех часов дня. Тем более, в пятницу. Хотя в юности ему было нипочем пройтись по вечернему и даже по ночному Каллио.

В тот июльский вечер ему вдруг страстно захотелось доехать на трамвае до Сенатской площади, прогуляться по набережным, подышать морским воздухом, полюбоваться чужими роскошными яхтами.

Побродив часок по центру, он сам не заметил, как оказался у Холерного бассейна. Там теснились разноязыкие туристы в ожидании паромчика. Как-то получилось, что Старик слился с толпой. И вскоре уже шагал по вымощенной булыжником набережной крепости Свеаборг. В детстве он воображал себя моряком. Мечтал посетить Южную Африку. Туда еще до войны эмигри-

ровал его дядя. Мечта испарилась вместе с детством. К счастью, работа на таможене давала ему определенный контакт с миром судов.

В крепости Свеаборг Старик не бывал много лет, и сейчас ему в голову лезли разные непрошенные мысли. На том месте, где теперь торгуют кофе с невкусными американскими батончиками, когда-то продавали восхитительный грушевый лимонад. Была тут и танцплощадка. Рядом располагался тир, где он несколько раз выигрывал призы. Здесь он встретил девушку, на которой вскоре женился. Свою бывшую жену он видел мельком года три назад, у Центрального вокзала. Как не похожа она была на девушку, с которой он когда-то танцевал в Свеаборге! На той девушке было платье цвета бабочки-лимонницы. Она сшила его сама. Теперь же по Свеаборгу расхаживают девушки и юноши в одинаковых шортах китайского производства...

Воспоминания застали Старика врасплох, будто внезапный ливень. Он так затерялся в закоулках своей печали, что совсем позабыл про расписание паромов. Вечером они ходили редко.

Когда он, наконец, сошел с трамвая у площади Хаканиеми и засеменил к своему дому, часы показывали уже без пяти десять.

Было душно. Парило, как перед грозой. Там и сям попадались пьяные – на тротуарах, на газонах. Года два назад какой-то длинноволосый тип в ковбойских сапогах, сидевший за столиком бара, запустил в него вареной картошкой. Было не больно, но Старик до сих пор поевживался при этом воспоминании. Робя перед пьяными, Старик пристроился идти за каким-то молодым человеком в белой форменной рубашке и в темно-синих брюках. Подбритый затылок прохожего маячил у Старика перед глазами.

У подъезда молодой человек остановил ся и принялся искать ключи. Старик растеряно топтался рядом. Незнакомец поднял голову и отрывисто поздоровался. Это был Лаппалайнен.

– Ты, выходит, летчик? – вырвалось у Старика.

Он тут же понял, что сказал ерунду, но, желая польстить соседу, не спешил исправить свою ошибку.

– Никогда не мечтал стать летчиком, – ответил Лаппалайнен почти неприязненно.

Судя по выговору, он вырос в Хельсинки.

– Жарко сегодня, – заискивающе произнес Старик, пока они ждали лифта. – Точно в сауне. Хоть бы гроза разразилась.

Лаппалайнен индифферентно кивнул.

– Издалека прилетел? – любопытно-ствовал Старик.

– Нет.

Казалось, белая рубашка бортпроводника светится в полутьме.

– Откуда?

– Из Осло.

Старик одобрительно кивнул.

– Это хорошо. С приездом!

На лице Лаппалайнена вспыхнула улыбка и тут же погасла, сменившись мрачной гримасой. Крылья его носа лоснились от пота.

– Живем на одной площадке, а я тебя никогда не видел в форме, – сказал Старик, разглядывая соседа.

Тот пожал плечами.

– Я обычно переодеваюсь после рейса, – пояснил он. – Но сегодня не до того было.

– Случилось что-то?

Лаппалайнен кашлянул.

– Да уж...

– В рейсе?

Лаппалайнен уже открывал дверь своей квартиры.

– Нет, на земле, – нехотя ответил он.

Он помедлил, стоя на пороге.

– В центре Осло – взрыв, – сказал он сквозь зубы, не глядя на Старика. – Правительственные здания эвакуированы. Не слышали?

– Нет. Господи! Исламские террористы?

Лаппалайнен будто не заметил вопроса.

-- И про события на острове Утойя не слышали?

Старик произвольно сжал руки перед собой.

– Нет, не слышал...

Бортпроводник покачал головой. Собрался что-то сказать, но раздумал. Минуту-другую постоял, опустив глаза.

– Значит, услышите! – произнес он вдруг твердо. – Спокойной ночи.

Дверь затворилась. Скрежета цепочки Старик не услышал. Едва войдя к себе, он ринулся к телевизору.

В десять утра он сидел на банкетке в прихожей, набирая номер посольства Норвегии. Того самого, которое два года назад устраивало в Хельсинки лекции о Кнуте Гамсуне. Полночи он пытался дозвониться до дочери.

– Абонент недоступен! – сообщал механический голос на двух языках, по-норвежски и по-английски. – Перезвоните позже.

Без паники, убеждал он себя, щелкая пультом телевизора. На том ужасном острове ее быть не может. Санни в Осло. Не отвечает, потому что работает. Она на дежурстве.

Белый дым над Осло. С ней все нормально. Черный дым в окнах офисов. С ней все в порядке. Стекло, стекло, битое стекло. Санни жива и здорова. Воют сирены. Санни цела и невредима. Искоруженная машина. Санни на дежурстве. Нога в белом носке, под обломками. САННИ РАБОТАЕТ. Окровавленный дамский зонтик. САННИ РА-БО-ТА-ЕТ.

Наконец, он задремал. Или ему это только показалось? Возможно ли проснуться, не сомкнув глаз?

Как бы то ни было, очнувшись, он обнаружил, что сидит в кресле перед телевизором. В ботинках и в кепке.

Показывали войну в Сирии, бегущих в панике жителей какого-то города. В воздухе носились обрывки бумаги, обломки мебели. На асфальте виднелось тело не то мужчины, не то женщины. Показывали военных в камуфляже, с автоматами. Они патрулировали улицы. Над всем этим трепыхался приспущенный флаг. Норвежский. Это была не Сирия.

– Полиция не комментирует мотивы, побудившие тридцатидвухлетнего мужчину совершить эти действия. Нет сведений ни о его прошлом, ни о его психическом состоянии. По некоторым данным, задержанный хотел бы выступить с заявлением. Ранее к суду не привлекался, под следствием не состоял.

Это была трансляция какого-то норвежского телеканала. В углу норвежский сурдопереводчик с профессиональной тщательностью формировал руками фразы. Лицо у него было бесстрастное. По щекам струились слезы. Старик нажал на кнопку пульта, и картинка сменилась. Зазвучала финская речь.

– По оценке Министерства иностранных дел Финляндии в настоящее время в Осло может находиться до тридцати тысяч финских граждан, – говорила женщина-диктор.

Старик вновь засеменял к банкетке и снял трубку. Телефон дочери в Осло призывал перезвонить позже. Автоответчик посольства повторял жизнерадостно, по-норвежски:

– Консульский отдел Посольства Королевства Норвегия работает согласно следующему расписанию...

На экране диктор финского телевидения продолжала торопливо,

точно стремилась поскорее закончить сообщение:

– В момент взрыва в центре города премьер-министр Норвегии Йенс Столтенберг находился у себя дома, работая над речью, которую собирался произнести на следующий день перед участниками молодежного лагеря Рабочей партии на острове Утойя...

Старик вздрогнул. Внезапно слова диктора сложились в единое целое. Будто в калейдоскопе, где долго и хаотично сновали стекляшки, возник четкий геометрический узор. Молодежный лагерь. Рабочая партия. Демократия, солидарность. Эрланн. Эрланн. Эрланн.

Кошмар, навалившийся на Старика, был так огромен, что у него сперло дыхание. Уже полсутки он ничего не ел и не пил, но не ощущал ни жажды, ни голода. Даже в туалет ему не хотелось. Единственное, что он чувствовал – это озноб. День обещал быть жарким, но перед тем, как выйти из квартиры, Старик натянул на себя стеганый жилет. Остаться дома было немыслимо.

Чем дальше он бежал по улицам, тем больше уверялся в том, что зять вполне может находиться на острове Утойя. Эрланн наверняка состоял в Рабочей партии. В молодежный лагерь мог поехать в качестве вожатого. Такой непоседа, школьный учитель...

Старик поймал себя на мысли, что думает о зяте в прошедшем времени – и вновь ощутил озноб.

Недалеко от больницы в Эйре до него донеслась норвежская речь. Его обогнали парень и девушка. Они отрывисто переговаривались. Девушка тяжело дышала, будто пробежала марафонскую дистанцию. Старик невольно замедлил шаги. При виде норвежцев он почувствовал свою неуместность. Кому и чем он может быть полезен? Зачем идет вслед за этими людьми?

У норвежского посольства дежурила полицейская машина. Тонированные окна трехэтажного здания казались траурными. Было безветрие. Приспущенный флаг вяло висел на мачте.

Юноша с девушкой приблизились к зданию так стремительно, что небольшая толпа расступилась. Что-то коротко сказав полицейскому, они поспешно прошли по узенькой тропинке между цветами, свечами, мягкими игрушками. Поднялись по широким, отлогим ступеням. Дверь автоматически открылась, и они исчезли за ней.

Никто вокруг Старика не разговаривал. Все безмолвствовали, как на похоронах. Время от времени появлялись новые люди. Клади к лестнице цветы. Постояв минуту-другую, удалялись.

Нарушить всеобщее молчание было трудно, но Старик все же решился.

– У меня в Осло дочка, – сказал он полицейскому. – Я не могу до нее дозвониться. Думаю, как она там.

И назвал имя и фамилию.

– Ваша дочь – гражданка Финляндии?

– Да. Гражданство менять не хотела, хотя домой уже, наверное, никогда не вернется...

– В Осло жертвы взрыва уже опознаны, – угрюмо перебил полицейский. – По данным пресс-службы МИДа, финских граждан среди них нет.

– А где можно посмотреть список погибших на острове Утойя?

Полицейский взглянул на Старика так, словно подозревал, что за его вопросом кроется праздное любопытство. Старик не производил впечатления человека, у которого могут быть контакты с социал-демократическим молодежным лагерем.

– Еще не обнародованы, – буркнул дежурный. – Многих все еще ищут в воде, у острова. Полиция, «Красный Крест». Родственники тех, кого нашли, сегодня соберутся на берегу озера. Будет официальное опознание.

Старик кивнул. Уходить не хотелось, но оставаться в безмолвной толпе он тоже не мог.

Дома он вновь набрал номер телефона Санни. Та по-прежнему не отвечала.

Быть может, Санни уже едет на остров Утойя. Сегодня там соберутся те, кому предстоит опознать своих близких.

Пусть Эрланн даже и состоял в этой партии. Пусть он поддерживал марксистов, феминистов, гомосексуалистов. Пусть считал себя красным, зеленым. Да хоть бы и фиолетовым в полосочку! Два года тому назад он возник здесь, на пороге прихожей. Высокий, веснушчатый, зеленоглазый. Уже не юный, но по-мальчишески нескладный. Стоял, обняв за плечи похорошевшую, смущенную Санни. Радостно говорил на своем родном языке:

– Как здорово, что в Хельсинки тоже есть трамвай! В Осло трамвай называется «триккен». Несется с бешеной скоростью! Мы ведь познакомились в трамвае. Был час пик, Санни сидела у окна, а я стоял рядом, стиснутый со всех сторон, держась за петлю. Буквально нависал над ней! На повороте «триккен» сильно накренился, я потерял равновесие и практически упал на Санни. Упал – и запал на нее... Я встретил женщину своей мечты благодаря трамваям!

Не надо было переходить на немецкий, думал Старик. Пусть бы мы продолжали говорить, как в начале: он – по-норвежски, я – по-шведски. Скандинавия есть Скандинавия. Общность, несмотря ни на что.

На следующий день появилось наглядное доказательство этой общности. В Хельсинки, как и в других скандинавских столицах, были приспущены флаги.

Во время взрыва в центре Осло погибло не семь, а восемь человек, сообщила норвежская полиция. Зато число жертв на острове Утойя оказалось меньше, чем думали. Их было не восемьдесят пять, а шестьдесят восемь.

Все же, цифра была огромная. Со времен второй мировой войны в Норвегии не случалось катастрофы таких масштабов.

Во вторник Старик решился на крайнюю меру. Через справочную службу выяснил номер телефона бывшей жены.

Услышав его голос, она помолчала минуту-другую. Пришлось переспросить – и даже назвать ее по имени, которого он не произносил уже много лет.

Наконец, она сказала медленно и осторожно:

– Я думала, тебе уже сообщили.

– Что – сообщили?

– Тебе не звонили из больницы?

У Старика все сжалось внутри.

– Эрланн в больнице?

– Да.

Это было сказано странным, спокойным голосом.

– Но... оба живы? – выдавил Старик, вцепившись в телефонную трубку обеими руками.

– Да, оба.

Тон у нее был усталый.

– Были осложнения, но теперь все в порядке, – прибавила она. – Хороший врач оперировал. Им повезло.

– Слава Богу! В какой больнице?

От волнения Старик говорил не совсем то, что хотел.

– Там же, где Санни работает. Один получил восемь баллов по шкале Апгар, другой – восемь с половиной.

– По какой шкале? Ты о чем?

– По шкале Апгар.

Старик вновь почувствовал дурноту.

– Это шкала оценки тяжести состояния пациентов?

– Скорее, наоборот, – ответила бывшая жена. – Восемь и восемь с половиной – неплохие баллы. Учитывая все обстоятельства.

Старика бросило в пот. Он был слишком тепло одет.

– Так они были на острове или нет?

– На каком еще острове? Ты о чем, Матти? – изумленно спросила бывшая жена. – «Говорю же тебе, они в больнице. Если все будет нормально, их завтра должны выписать».

У Старика отлегло от сердца.

– Завтра? Какое счастье! – воскликнул он.

– Двойное счастье, – снисходительно сказала бывшая жена. – Теперь мы с тобой – вдвойне дедушка и бабушка. Поздравляю.

– Санни кормит, – продолжала она слегка озабоченным тоном. – Молока у нее много. Даже слишком много. Приходится сцеживать. Хорошо, что обошлось все. Кожа у мальчиков немножко желтая... Близнецовая беременность, да еще в таком возрасте – серьезный риск.

Когда родилась Санни, отцы не только не присутствовали в палате, но даже не могли взглянуть на своих новорожденных, кроме как через стеклянную перегородку.

Когда родилась Санни, только что завершилась олимпиада в Мюнхене. Финн Лассе Вирен поставил свой первый золотой рекорд на дистанциях пять и десять тысяч метров.

Когда родилась Санни, Старик было тридцать четыре года. В смятении он дважды обежал здание Института акушерства. Поднял с постели отца звонком из телефона-автомата. Не зная, куда себя деть, зашел в какой-то бар на улице Ээрикинкату. И просидел там до закрытия.

Это был один из редких случаев, когда он напился. Не в компании, а один.

Если подумать, он редко бывал в компаниях. Даже в молодости. Сейчас он уже давно жил один. Хорошо было бы взять собаку из приюта для бездомных животных, но он не решался. Вдруг, несмотря на усилия врачей, его здоровье ухудшится и он попадет в больницу? Или попросту умрет. Кто тогда позаботится о животном? Не считая двоюродной сестры в Южной Африке и дочери в Норвегии, родственников у него не было.

Когда Санни звонила в последний раз, она ни словом не обмолвилась о беременности. Впрочем, так же было и с ее замужеством. Ничего не рассказывала – а потом поставила перед фактом.

Бывшая жена сообщила: Эрланн ему звонил в субботу. В те минуты Старик стоял, вытянув шею, в толпе у норвежского посольства.

Им было не до него. Они пребывали в своем маленьком мире. Стенами больницы, стенками матки их еще не рожденные дети были отгорожены от большого мира.

В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от этих высоких материй. В большом мире вершатся открытия и революции. В маленьком мире людям важны хлеб насущный, дети, здоровье. Эти миры не пересекаются.

Но если подумать, это вовсе не так. Взрыв в центре Осло был слышен везде. В том числе, в родильном отделении. Когда в большом мире кто-то пытается ужаснуть человечество, когда происходят массовые злодеяния и стихийные бедствия, маленький мир безжалостно захлестывают цунами, возникшие от этих катаклизмов.

И люди плывут по три недели под палящим солнцем в утлых лодчонках. И рожают детей в открытом море.

В баре на Ээрикинкату было прохладно и просторно. Посетителей не было. Музыка тоже. Видимо, час был слишком ранний.

Старик заказал коктейль с водкой и сэндвич у хмурого бармена. Не спеша, оглядел полутемное помещение. Увиденным остался доволен. Тут было много зеленого. Это был его любимый цвет. Зеленое сукно на бильярдном столе. Зеленая металлическая дверь с надписью «Курить воспрещается».

Старик снял кепку, вытер лысину платочком. Присел за столик. Кивнул печальному усатому человеку, большая фотография которого украшала стену напротив.

– Привет, Пелтси. Вот и я пришел.

Человек на стене застенчиво смотрел на него.

Старик поднял бокал. Рука у него дрожала.

– Жаль, не могу сказать «твое здоровье», – вздохнул он. – Только и осталось, что пить за свое. Ты уж извини, я выпью. Здоровья мне не хватает.

– У меня, Пелтси, никогда не было прозвища, – продолжал он, сделав несколько больших глотков. – А вообще нас таких всего двое было на свете, ты да я.

Старик покачал головой.

– Теперь один я остался, – добавил он. – Я всегда был старше тебя, а в последние годы стал еще старше. Я уже тебе в отцы гожусь.

Человек на портрете чуть-чуть улыбнулся.

Старик тоже повеселел. И даже хихикнул. Откусив кусочек бутерброда, сказал по-свойски:

– Ты совсем не состарился, Пелтси. Ты не меняешься. Ты остался тем, кем был, навсегда. Тебя помнят. Выпьем же за память. Чтобы нас не забывали.

Старик снова выпил и пожевал кусочек бутерброда.

– Память... Ты ведь помнишь наш Каллио до того, как он стал модным? Мы с тобой наверняка сталкивались. В кино «Титания», в бане на Пятой линии, да хоть бы и просто на площади Хаканиеми, где продавались пироги. Мало ли, где. Наверняка ждали рядом трамвая, покуривая «Тюёмис»*. Мои любимые были. Я ведь тоже курил много. Особенно после развода. Теперь врачи не позволяют...»

Человек на стене кивнул сочувственно.

– Знаешь, Пелтси, а я стал дедушкой! – оживленно сообщил Старик. – Дочка моя, Санни, родила близнецов. Мальчишек. Одного собираются назвать Торкилем, в честь ее покойного свекора...

Тут Старик громко икнул.

– А второго хотят назвать Матти. В честь меня! Или – в честь тебя? Она ведь тебя всегда любила. Еще с тех пор, как ты читал по радио «Алису в Стране Чудес» и «Приключения Бесхвостика Пелле». Но знаешь... она ведь и меня любила тоже.

Старик отвернулся, почувствовав комок в горле. Поднялся с места, заказал еще водки с лимоном и вернулся к столику у стены.

– Она в Норвегии живет, – пояснил он своему молчаливому собеседнику. – Там недавно произошли ужасные вещи. Убиты ни в чем не повинные люди. В основном, молодые. Девочки, мальчики. Целый молодежный союз. Их всех убил один человек.

Собеседник смотрел на него напряженно, сжав губы.

– Сорок пять минут расхаживал по острову, – продолжал Старик монотонно, будто по инерции. – Стрелял с

интервалом в десять секунд. Ребята кричали и плакали. Прятались в палатках, в туалете, в кустах. Бросались в воду. А он с победными выкриками стрелял. Два мальчика спаслись, притворившись мертвыми. Одной девочке удалось выскользнуть из здания, пока он перезаряжал оружие. Она прихватила с собой пятилетнего карапуза, который видел, как застрелили его отца...

Тут у Старика перехватило дыхание.

У человека на стене дрожали губы. На глазах у него блестели слезы.

– Он называет себя командором движения сопротивления. Движения Сопротивления, Пелтси! А ведь это название для норвежцев свято. Но он не сумасшедший, нет. Он в здравом уме.

Старик допил коктейль.

– ... и ни в чем не раскаивается, – продолжал он деловито. – Знаешь, что он сказал на предварительном следствии? «Я бы сделал это снова.»

Старик умолк. Через несколько минут произнес безо всякого выражения:

– Он выпустил двести девяносто семь пуль. Он убивал не детей, а политических активистов. Так он говорит.

– Одной девочке пуля попала в рот, но губы у нее остались целы, – добавил Старик, отвернувшись. – Значит, выстрелил, когда она звала на помощь. Или просто кричала от ужаса.

– Ты бы видел его, Пелтси! – продолжал он почти торжественным тоном. – «Один взгляд чего стоит. Язык у него хорошо подвешен. Говорит, что представляет всех патриотически настроенных скандинавов. Обращается к некой белой элите... которая видела свет и прозрела.»

Лицо человека на стене потемнело. Ноздри у него трепетали.

– Но что это за элита такая? – негодуя воскликнул Старик. – Это мы-то с тобой – элита? Я – элита? Может, ты был элитой?

Человек на портрете презрительно усмехнулся. На его резко обозначившихся скулах играли желваки. Старику стало жарко. Он скинул с себя жилет.

– Он себя мнит авангардом!

Вершителем судеб, на службе белой, христианской Европы...

Старик скрипнул зубами. У него всегда были превосходные зубы. Твердая эмаль, безупречный белый цвет.

– А кто ему дал право? Кто его уполномочил? Мы с тобой, что ли?

Проклятый узурпатор!

Старик стукнул кулаком по столу. Было больно, и он громко выругался.

– Тут, между прочим, кроме вас посетители есть, – ледяным тоном заметил бармен. – Можно бы и потише.

Старик передернул плечами.

– Ну вот, Пелтси. В кои-то веки свиделись, а поговорить не дают. Каково тебе тут? Не очень, должно быть. Водка теплая, сервис холодный... В приличном баре должно быть наоборот.»

Старик недовольно оглянулся на зеленую металлическую дверь.

«Курить запрещается!» – хмыкнул он. – Скоро все бары в Хельсинки будут подавать только манную кашу. Экологическую.

За ним робко наблюдала группа из пяти человек, расположившаяся чуть поодаль, за двумя столиками. Возглавлял их пожилой, худой мужчина в оранжевой шляпе. Люди нездешние. Туристы, должно быть. Из какой-то азиатской страны.

– Вы знаете, кто это? – громко осведомился Старик по-английски, махнув рукой в сторону портрета на стене.

– Хай, – ответили те учтиво, хором.

– Знаем, – произнес мужчина в оранжевой шляпе на ломаном финском языке. – Это Матти Пеллонпя. Великий финский актер.

– Лучший актер страны! – подтвердил Старик. – Был, есть и будет.

Человек в оранжевой шляпе перевел его слова своим соплеменникам. Те дружно закивали.

– А знаете, как меня зовут? – спросил Старик. – Откуда вам знать... Погодите, сейчас я вам что-то покажу.

Бармен торопливо вышел из-за стойки, но Старик уже стоял рядом с человеком в оранжевой шляпе. В руке у него было удостоверение личности.

– О-о-о! – восторженно восклицали туристы, по очереди разглядывая документ.

– Не беспокойтесь, все в порядке, – бросил их предводитель бармену.

И, повернувшись к Старику, расплылся в улыбке:

– Разрешите представиться, моя фамилия Хаясака! Я живу в Финляндии. Это мои друзья из Токио. Они впервые в Финляндии. Давно мечтали посетить этот легендарный бар. Какой сюрприз! Для нас большая радость познакомиться с вами. Вы, вероятно, часто здесь бываете?

В ближайшем почтовом отделении выбор поздравительных открыток оказался на удивление велик. Все же такой открытки, какая была нужна Старику, среди них не нашлось.

Минуту-другую он размышлял, не купить ли две одинаковых открытки «С новорожденным!» Шел дождь, и ему не хотелось тащиться в центр, в книжный магазин «Акатееминен кирьякауппа».

Ладно уж, решил он в конце концов. Случай особый. Поздравлять, так как следует.

... Выйдя из «Акатееминен кирьякауппа» с особой, роскошной открыткой по случаю рождения двойняшек, Старик направился к главпочтамту. Ему не терпелось отослать поздравление в Осло.

У памятника «Три Кузнеца» он слышал немецкую речь. Немецкие

туристы, мужчина и женщина, взволнованно жестикулировали и переговаривались. Мужчина старательно фотографировал что-то в небе.

Старик поднял глаза. Над городом нависала темная туча, но дождь уже кончился. Бронзовые тела кузнецов блестели от влаги.

– Красивая радуга, правда? – сказал он туристам на иностранном языке, которым владел лучше всего.

– Двойная радуга! – восторженно ответили немцы. – Это редко бывает. Двойной мост!

Невдалеке прохаживались юноши в форме солдат срочной службы. Один из них, видимо, сомалийского происхождения, держал большую копилку, которой время от времени энергично погромыхивал. У второго, светловолосого, был в руке флажок Хельсинкского союза ветеранов войны.

– Поддержите наших ветеранов! – говорили юноши прохожим. – Жертвуйте на помощь старым фронтовикам!

За спиной у юношей виднелись статуи Вяйнемейнена и Илмаринена в нишах Старого студенческого дома.

Старик сунул в копилку банкноту в десять евро.

«Kiitos!» – поблагодарили его военнослужащие.

Судя по выговору, они были местными уроженцами.**

С.-Петербург – Турку, 2015

*«Tuömies» – дословно «трудоустроенный», марка сигарет без фильтра, производившаяся в Хельсинки с 1902 по 1984 годы.

**Из сборника рассказов «Валенсиана», на русском языке сборник выходит в С.-Петербурге.

ЗЛ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ
ФИЛАРМОНИЯ
имени Д.Д.ШОСТАКОВИЧА
МАЛЫЙ ЗАЛ имени М.И.ГЛИНКИ
сезон 2017/2018

Суббота, 23 сентября 2017 года
XVIII Российско-Финляндский культурный Форум
**«О, музыка, - язык любви,
язык всемирного общения»**

КОНЦЕРТ

Солисты музыкальной гимназии имени Л.Мадетойя
(г. Оулу, Финляндия)

Композитор и пианист
Нийло КОРСУЛАЙНЕН

Вээти КАЙНУЛАЙНЕН
труба

Лауреат международных и всероссийских конкурсов
Образцовый коллектив

ОРКЕСТР ГАРМОНИК
Дворца детского (юношеского) творчества Фрунзенского района
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Художественный руководитель и дирижер
Заслуженный работник культуры России
Владимир ИЛЬЕНКОВ

Специальный гость
Петербургский композитор
Заслуженный работник культуры России
Михаил ЛИХАЧЕВ

Начало в 14.00

Художественный руководитель филармонии – Юрий ТЕМИРКАНОВ

Невский пр., д. 30
ПРОДАЖА БИЛЕТОВ НА САЙТЕ WWW.PHILHARMONIA.SPB.RU
Телефон для справок, касса 571 8333

ПАРТНЕРЫ:

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР: РОСНЕФТЬ

СПОНСОРЫ:

ПАРТНЕРЫ-СПОНСОРЫ: ВТБ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ СПОНСОРЫ: ПЕЛЛЕА FOUNDATION, ВЕЛЛЕА ФОНД

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР: МАКСИМА LEGAL

ПАРТНЕРЫ-КОМПАНИИ: АКАДЕМИКОВ

21.–23.9.2017 в Санкт-Петербурге
успешно прошел
XVIII Российско-Финляндский
культурный форум
под названием
«Сто образов культуры»

Восемнадцатый Российско-Финляндский культурный форум, проходивший в Санкт-Петербурге с 21 по 23 сентября под названием «Сто образов культуры», стал очередным и необычайно ярким элементом в истории отношений двух стран. В этом году Финляндия отмечает 100 лет своей независимости, и XVIII Российско-Финляндский форум являлся центральным событием международных юбилейных празднеств. По этой причине традиционные дискуссии на актуальные темы в его рабочей программе были заменены выступлениями российских и финских певцов, музыкантов и танцоров, экскурсиями в Эрмитаж, Государственный Музей, Петропавловскую крепость, Музей музыки Шереметевского дворца, знакомством с Исаакиевским собором и другими храмами города.

Как отмечала директор департамента туризма и региональной политики Министерства культуры РФ, координатор Российско-Финляндского культурного форума с российской стороны Ольга Ярилова, выступая перед финской делегацией в Петергофе, – организаторы, город Санкт-Петербург хотели сделать этот форум особенно праздничным и насыщенным культурными событиями.

На форум прибыло рекордное число участников – около 450 деятелей и работников культуры Финляндии и России, чтобы обсудить 207 совместных проектов, по которым в дни форума по предварительным итогам было проведено около 140 партнерских переговоров.

Сколько культурных начинаний возникло за три дня работы форума – пока не подсчитано, тем и отличается это прямое двустороннее сотрудничество, что оно далеко от

всяких формальностей и бюрократии. Новые проекты рождаются на глазах, в ходе обсуждения на тематических семинарах по творческим направлениям или во время общения с коллегами – к приехавшим партнерам подключаются новые участники, заинтересованные прозвучавшими планами и предлагающие для осуществления собственные идеи.

Форумы были изначально задуманы, как место ежегодных встреч российских и финских представителей культуры и руководителей культурных ведомств, и о значительности такой «культурной дипломатии» говорит также тот факт, что их участникам ежегодно направляют свои приветствия президенты обеих стран.

На торжественном открытии XVIII Российско-Финляндского культурного форума, проходившем в концертном зале Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга, перед участниками выступали с приветствиями премьер-министр РФ Дмитрий Медведев и его финский коллега Юха Сипиля, в заседании принимали участие министр культуры РФ Владимир Мединский и министр культуры Финляндии Сампо Терхо, губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко, представители государственных ведомств, региональных и местных властей, парламентарии и деятели культуры, искусства, науки и образования.

В выступлениях отмечалось, что российско-финляндское гуманитарное сотрудничество находится на подъеме. Культурный форум позволяет нам ближе узнавать друг друга, создавая тем самым между людьми мосты доверия и сотрудничества.

За минувшие 100 лет пройден большой путь, который не всегда был

ровным, но Финляндия и Россия извлекли из него важные исторические уроки. Их осмысление – нелегкий процесс, но мы научились уважать друг друга и действовать вместе. Именно это умение является ведущей темой юбилейного года. В современном мире такой дух необходим и в трансграничном сотрудничестве. Этот подход воплощает культурный форум, с чьей помощью партнеры находят друг друга для своих совместных проектов. Цифры показательны: через открытый поиск партнеров прошли 2500 культурных проектов, а за всю историю культурного форума в нем участвовало около 5000 человек.

Темы форумных проектов, обсуждаемых российскими и финскими партнерами, создают, в буквальном смысле слова, «сто образов» современной культуры. Это музейная деятельность, архивное и библиотечное дело, прикладное искусство и народные ремесла, информационные и коммуникационные технологии, финно-угорское сотрудничество, фольклорное наследие, культурный и этнокультурный туризм, детское музыкальное и художественное образование, театральные обмены, литература и журналистика, стрит-арт, музыкальные фестивали, детские лагеря и многие другие направления.

Так, петербургский Молодежный театр «На Фонтанке», Шведский театр и окружная организация Общества «Финляндия-Россия» города Турку обсуждали предстоящий обмен гастрольными спектаклями. «Карельское просветительское общество» из Хельсинки вело переговоры с Карельским институтом образования из Петрозаводска, Университетом Восточной Финляндии и Центром «NEST» из города Куопио о проведении совместных

образовательных и просветительских мероприятий и разработке учебных материалов по карельскому, вепсскому и финскому языкам. Государственная филармония Республики Адыгея представляла на форуме свой проект «Финляндия и Адыгея, давайте знакомиться!» и проводила переговоры по обмену концертами и мастер-классами с консерваторией города Куопио и Культурным объединением «Играющий мир» из города Лоймаа. Петрозаводская детская школа искусств им. М.А. Балакирева уточняла дальнейшие планы сотрудничества с финским композитором Харри Вессманом о совместных детских концертах и представляла свой очередной фестиваль искусств «Золотые ключики-2018». Музей-заповедник «Кижы» встречался с несколькими финскими партнерами, в том числе с Академией рунопения, Молодежно-туристическим центром «Хювяриля», общественной организацией «Культурный мост», заинтересованными в проектах по сохранению этнокультурного наследия.

В рамках форума состоялись тематические семинары по истории – «Независимость Финляндии и Россия» и по культурному туризму – «Международные события и мероприятия в сфере культуры в качестве катализатора развития культурного туризма». Ежедневно работали консультационные пункты «От идеи к проекту», где международные эксперты отвечали на вопросы участников по подготовке будущих совместных проектов.

Перед отъездом российских участников пригласили в Петербургскую филармонию на совместный концерт Молодежного оркестра «Гармоника» из Гатчины и Музыкальной гимназии

«Мадетойя» из Оулу, а финская делегация отправилась во второй половине дня на экскурсию в Петергоф, где в честь праздничной программы и к большой радости оказавшихся в парке туристов под бравурную музыку был запущен фонтан Большого каскада «Самсон».

На заседании координационной рабочей группы форума было подтверждено решение, что культурный форум 2018 года будет проведен в городе Савонлинна. Мэр города Янне Лайне отметил, что это замечательная весть, так как Савонлинна ведет чрезвычайно большую работу с Россией в области туризма, культуры, бизнеса, образования и научной деятельности. В городе бывает около 100 000 российских туристов в год, и стратегическим направлением

совместного проекта сотрудничества с Комитетом по туризму Санкт-Петербурга намечено привлечение туристов из третьих стран.

Темой следующего культурного форума выбран культурный туризм.

Организаторами ежегодных российско-финляндских культурных форумов выступают Министерство образования и культуры Финляндии, Министерство культуры Российской Федерации, а также Общество «Финляндия-Россия». В подготовке форума этого года принимал участие город Санкт-Петербург.

Подготовила: **Наталья Ершова**,
пресс-координатор
русскоязычной информации форума,
Media Comnatel Oy, Хельсинки

На фото: Эва-Кайса Линна (Управление Образования Финляндии), Анита Дункерс (Музей изобразительных искусства Республики Карелия) и Эйла Семенова (Карельское просветительское общество, Хельсинки) обсуждают совместный проект.

Ф
о
р
у
м

Дмитрий Ольшанский.
Сцены сексуальной жизни.
 Психоанализ и семиотика театра и кино.
 СПб: Изд. Алетейя, 2016

Дмитрий Ольшанский – сотрудник Института Клинической медицины и социальной работы им. М.П. Кончаловского в Санкт-Петербурге, автор более 250 научных публикаций и переводов, автор журнала LiteraruS.

Книга представляет собой сборник лекций, рецензий и интервью о визуальных искусствах. Используя структурный психоанализ, семиологию, теорию театра, Д. Ольшанский разрабатывает и создает оригинальный метод интерпретации современного театрального процесса и кинематографа.

«Психоанализ это не про то, что все хотят убить своего папашу или *объект* алежит у вас в кармане, а про то, какие силы, объекты и структуры задают наше бытие в мире. Именно о них и идет речь в этой книге», – пишет автор в предисовии. И далее: «В фокусе моего внимания находятся те практики – художественные и клинические, – которые работают с оральными, анальными, зрительными и акустическими объектами».

Содержание состоит из трех частей: Теория театра, Практика театра, Интервью.

Человек в глобализованном мире

Новая книга рассказов шведоязычной писательницы Зинаиды Линден – спектр судеб людей, разбросанных по всему миру.

Японская пара на склоне лет перебирается в Финляндию.

Восьмилетний мальчик летит один через Атлантический океан.

Несколько жителей Токио пытаются приспособиться к новой жизни, после землетрясения в Фукусиме.

Русская женщина-историк и польская монахиня находят друг друга на курсах финского языка.

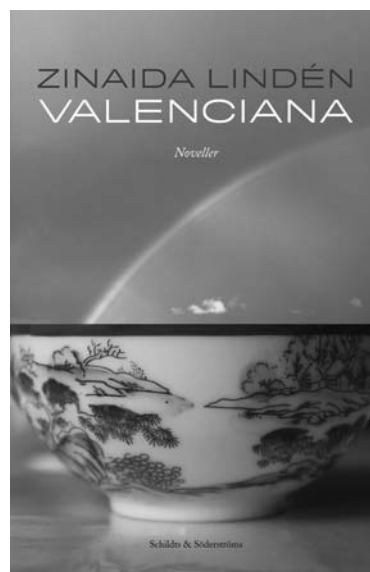
Финско-филиппинское семейство отправляется в Июкогаму, чтобы навестить родных.

Одинокий старик ночью расклеивает листовки в Каллио, в своем родном Хельсинки.

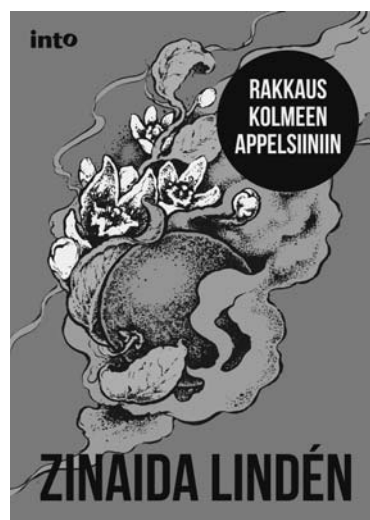
Все герои рассказов сталкиваются с той или иной катастрофой, которая испытывает их на прочность, выявляя самое важное в человеке. Изменчивый мир под воздействием глобализации – основная тема сборника.

Книга издана по-шведски и по-фински, а также на датском языке. Ей присуждена премия Шведского литературного общества Финляндии 2017 года.

Зимой в С.-Петербурге предполагается русское издание.

Зинаида Линден.
Valenciana (Schildts
& Söderströms 2016)

Зинаида Линден.
**Rakkaus kolmeen
appelsiiniin**
(Into Kustannus
2017).
Перевод на
финский язык:
Яана Никула.

Н
о
в
а
я

К
н
и
з
а

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ
МФРП**

Штаб-квартира находится в Будапеште.
Председатель МФРП – Олег Воловик.
Официальный представитель
МФРП в Финляндии – Людмила Коль.

<http://rulit.org>

Редколлегия журнала будет
благодарна, если вы
сообщите о замеченных
значимых опечатках.

№3/2017, стр. 32, предпоследняя строка
справа, следует читать: Перевод с
финского языка.

Магазин находится
в центре Хельсинки по
адресу: **Vulevardi 7**
FIN-00180 HELSINKI

Открыт по будням с 9 до 18 ч.,
по субботам с 10 до 16 ч.

Библиотека Селло:

Leppävaarankatu 9, 02600 Espoo.

Фонды доступны всем читателям
библиотек HelMet как в библиотеке Селло,
так и через сеть библиотек региона
Хельсинки.

ALETHEIA PUBLISHING HOUSE
ST. PETERSBURG

www.aletheia.spb.ru

Журнал

«LiteraruS-Литературное слово»

на русском языке выходит 4 раза в год:

весенний, летний, осенний и зимний выпуски

www.literarus.org

Материалы для публикаций, годовая подписка, заказы принимаются по e-mail:

literarus@kolumbus.fi

LiteraruS